УДК 94(47).084.3

И. С. Ратьковский

Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг.

Истории Оренбуржья в период Гражданской войны в России посвящено много исторических работ. При этом следует заметить, что в последние десятилетия акценты исторических исследований радикально поменялись[1]. Некоторые из ранее разрабатываемых проблем Гражданской войны в регионе постепенно ушли в тень. Так, тема «белого» террора в Оренбуржье практически стала полузабытым сюжетом, при том что тематика красных репрессий стала одной из доминант новых исследований. Тем самым создается не только упрощенный взгляд на насилие большевиков как на явление абсолютно самостоятельное и не связанное с белыми репрессиями, но и сами эти репрессии характеризуются как вынужденные ответные меры. К сожалению, подобный подход нашел отражение и в одной из самых значимых работ по истории Гражданской войны в регионе, в упомянутой выше биографии атамана А. И. Дутова, написанной А. В. Ганиным. Между тем и руководству оренбургских казаков, и рядовым казакам отнюдь не было свойственно всепрощение, и маятник взаимных репрессий в регионе также имел место.

Первоначально это были только провозглашаемые пожелания сильной руки и бравада победителей, но впоследствии ситуация изменилась. В ночь на 7 ноября 1917 г. оренбургский атаман генерал А. И. Дутов произвел в Оренбурге аресты членов местного совета. Утром этого же дня вместе с привезенными ею 120 офицерами и юнкерами в город приехала активная участница белого дви-

[1] *Чирухин Н. А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

жения М. А. Нестерович-Берг. Согласно ее воспоминаниям, атаман А. И. Дутов в разговоре с ней рассказывал, что при взятии под контроль города казачьими войсками он не только произвел арест заложников, но и расстрелял зачинщиков. Приходивших впоследствии членов делегаций, просивших за арестованных, он после нескольких приемов уже не принимал и передавал в полном составе казакам: «Что с ней потом делают — меня мало интересует. Сейчас Россия в таком состоянии, что разговаривать не время»[2]. Безусловно, нужно оценивать данные высказывания атамана А. И. Дутова достаточно критически. Возможно, это было лишь генеральское бахвальство, стремление атамана предстать в образе человека сильной воли, а не основанное на реальных событиях свидетельство расстрелов. Атаману А. И. Дутову и в дальнейшем будет свойственно не только преувеличивать свою роль в политических и военных событиях, но и подчеркивать свою решительность, даже жестокость в обращении с противником. Однако эти октябрьские высказывания атамана Дутова хорошо определяют его личное отношение к проблеме возможного применения насилия. Очевидно приятие им насилия. Представляет интерес и реакция других лидеров Белого движения на чуть более поздний пересказ разговора с Дутовым М. А. Берг-Нестерович. На Юге России это было воспринято на ура. Так, генерал от кавалерии, выпускник Генштаба И. Г. Эрдели, выслушав в пересказе М. А. Берг-Нестерович этот разговор, откровенно заявил, что «сам сторонник крутых мер, что Дутов в этом отношении полная противоположность Каледину». Отметим, что генерал Эрдели не ограничится только этим, в дальнейшем принимая непосредственное участие в белых репрессиях. Так, 28 июля 1918 г., во время Второго Кубанского похода войска под командованием генерала И. Г. Эрдели взяли под контроль станицы Переяславскую и Новокорсунскую. В станице Новокорсунской белоказаки повесили четверых членов местного Революционного комитета, в том числе и двух казаков, а затем еще шесть активистов. Около 20 заложников, взятых в станице, расстреляли позднее в станице Елизаветинской[3]. Впрочем, решительность И. Г. Эрдели не стоит преувеличивать, ранее весной 1918 г. он отстаивал идею незамедлительного оставления Екатеринодара, не дожидаясь скорого подхода войск Л. Г. Корнилова[4]. Позднее генерал Эрдели будет вновь решительно подписывать многочисленные приказы о смертной казни. Одним из таких «подписантов» станет руководитель пятигорских большевиков Г. Г. Анджиевский (Андржиевский). Со схожих позиций после разговора с М. А. Берг-Нестерович высказался и генерал М. В. Алексеев, отметивший, что его обрадовали «крутые меры атамана Дутова»[5]. Характерно, что в 1917 г. он

[2] *Нестерович-Берг М. А.* В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931. С. 48–51.

[3] *Sivkov S. V.* Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time. 2013. Vol. 10; N 1. C. 20.

[4] *Пученков А. С.* Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.): к истории отряда В. Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 103.

[5] Там же. С. 55, 59.

поддерживал все «дисциплинарные инициативы», считая необходимым самыми решительными мерами навести порядок в армии и стране в целом[6].

Сами эти оренбургские октябрьские аресты не стали отправной точкой практики смертных приговоров, однако так обстояло в казачьей столице, в станицах ситуация могла быть и иной. Так, 28 декабря 1917 г., согласно свидетельству председателя Троицкого земельного комитета Голощапова, он был арестован в станице недалеко от ст. Сырт. В селении он увидел массу человеческих трупов. Оренбургскими казаками при нем был избит до смерти солдат и брошен в эту кучу, а затем туда же было брошено тело мальчика, у которого в процессе избиения был снесен череп. Голощапова опознал сотник Орлов, и предземкома также избили и, посчитав мертвым, бросили туда же. Очнувшись после потери сознания, он выполз из-под кучи тел, но его заметили и хотели завершить работу. Однако офицер первого запасного казачьего полка И. П. Велин сдержал толпу, указав на возможные ответные действия советских властей. В дальнейшем Голощапову удалось сбежать при содействии сочувствующего ему другого местного казака[7].

Есть и другие свидетельства насилия тех дней. Наказание шомполами в области Оренбургского казачьего войска в указанный период было рядовым явлением. Часто это приводило к смертельному исходу. Так, одной из жертв этой экзекуции стал отец знаменитого советского военачальника, дважды Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта А. И. Родимцева (1905–1977), батрак из села Шарлык И. Родимцев. Эти свидетельства антибольшевистского насилия в регионе в современной историографии опущены, в частности в упомянутой монографии д. и. н. А. В. Ганина.

Вместе с тем следует заметить, что количество жертв белых репрессий в регионе зимой 1917/1918 г всё же уступало числу жертв красного насилия. Ситуация стала резко меняться весной 1918 г. как в связи с разворачивающимся противостоянием станичного и городского населения на территории Оренбургского казачьего войска, так и в условиях раскола казачества и роста влияния внешних сил, в том числе (позднее) Чехословацкого корпуса.

Рубежом стали события конца марта — начала апреля 1918 г. 28 марта 1918 г. в станице Ветлянская Оренбуржья казаки расправились со сдавшимся в плен отрядом красноармейцев. После того как красноармейцы сложили винтовки, казачий отряд полковника А. П. Донецкова ворвался во двор и начал рубить безоружных людей. Погибли председатель Соль-Илецкого совета П. А. Персиянов, С. Якименок, И. Жилинский, А. Кутут, А. Корнюшенко и еще 10 человек (всего 15 человек). Из отряда спаслось только двое, сообщившие позднее о гибели своих товарищей в Илецк. 2 апреля 1918 г. у станицы Изобильной

[6] *Гребёнкин И. Н.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 153.

[7] *Голубых М.* Уральские партизаны. Поход партизан Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1924. С. 4–5.

Соль-Илецкого района оренбургскими казаками во главе с войсковым старшиной С. В. Бартеневым был уничтожен в засаде большевистский отряд численностью в 300 человек во главе с председателем Оренбургского исполкома С. М. Цвиллингом. При этом все сдавшиеся в плен были порублены казаками[8]. Следует отметить, что в отряде Цвиллинга (задействованного ранее в красных репрессиях) наряду с другими его членами числились медсестры и подростки-обозники. Тем не менее различий по возрасту и полу сделано не было — порублены были все. Впоследствии у белых оренбургских казаков даже появится специальное образное выражение, обозначающее вынесение смертного приговора — «отправить к Цвиллингу». 4 апреля 1918 г. казаки уже станицы Нежинской во главе с войсковым старшиной Н. В. Лукиным и полковником Корчаковым совершили ночной набег на оренбургский горсовет, находившийся в бывшем юнкерском училище, где предприняли попытку полностью вырезать весь горсовет. Казаки рубили спящих, не успевших подняться с постели людей, не оказывавших сопротивления. Рубили всех подряд, вместе с женщинами и детьми (семьи работников горсовета) — всего погибло 129 человек. Среди погибших было 6 детей и несколько женщин. Детские трупы были изрублены пополам, убитые женщины лежали с вырезанными грудями и вспоротыми животами[9]. Характерно, что за день на набега, 3 апреля 1918 г., в селе Сакмарском ими же были расстреляны казаки Правдин и Свинцов, отказавшиеся участвовать в нападении на красный Оренбург. 9 апреля 1918 г. оренбургские казаки под горой Магнитной зарубили 12 человек, в том числе первого председателя совета станицы Магнитной Д. П. Чумлякова, красноармейцев и казаков из станицы (Матвея Казанка, Семена Голышева, Михаила Жаринова). Таким образом, только за эти две недели оренбургскими казаками было уничтожено около 500 человек, в том числе дети, подростки, женщины. При этом не только цифры, а сам характер расправ уже свидетельствует о новой фазе противостояния сторон в регионе.

Белые репрессии продолжались и впоследствии. Например, в двадцатых числах мая 1918 г. от оренбургских казаков пострадал поселок Красноярский Оренбургского края. Белыми под командованием сотника Васильченко был совершен расстрел 19 казаков, еще 17 казаков подвергли показательной порке[10]. В станице Никольской было запорото 35 человек. В станице Сакмарской пороли всех членов станичного совета[11]. Вскоре размах «белых» репрессий на территории Оренбургского казачьего войска был усилен фактором Чехословацкого корпуса.

---

[8] Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919) Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 116–117; Гражданская война в Оренбургском крае. Чкалов, 1939. С. 129–138.

[9] См. более подробно: Гражданская война в Оренбургском крае... С. 140; *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 61; Уральский рабочий. 1918. 26 апреля.

[10] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 112; *Спирин Л. М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 237.

[11] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 112.

26 мая 1918 г. войсками Чехословацкого корпуса захвачен Челябинск. Местное большевистское руководство было казнено оренбургскими казаками через порубание шашками, в том числе члены городского совета. Характерно, что, по сохранившимся в архивах свидетельствам очевидца событий, «казаки подходили и просили у охраны, чтобы им дали хотя бы одного большевика, затем чтобы с ним расправиться»[12]. Схожие события фиксировались и в других городах, которые были заняты войсками Чехословацкого корпуса в этот период, в том числе на территории Оренбургского казачьего войска[13].

Наступление Чехословацкого корпуса активизировало и оренбургских повстанцев. 31 мая 1918 г. оренбургский казачий съезд принял решение «немедленно разоружить станицу Верхне-Краснохолмскую Оренбургского казачьего войска за сочувствие большевикам». 3 июня 1918 г. станица была захвачена, и в ней расстреляно свыше 20 человек[14]. Расстрел 22 участников сопротивления со стороны казаков-фронтовиков насильственной мобилизации в повстанческую армию был одним из примеров террора казаков по отношению к своим же казакам. В Верхне-Павловской станице за отказ бороться с большевиками съезд решил арестовать зачинщика выступления. Был предан полевому суду казак Рычковской станицы Русимов, призывавший бросить борьбу с красными.

11 июня 1918 г. в город Карабаш, в 90 км от Челябинска, вошли белые войска под командованием поручика Глинского. Вскоре был издан приказ об аресте всех активных сторонников советской власти. В 20-х числах июня в Карабаш прибыл карательный отряд, арестовавший 96 человек: заместителя председателя Карабашского совета В. М. Тетерина, членов городского совета, советских активистов, красногвардейцев и ряд рабочих, хранивших оружие. После допросов и применения пыток арестованным было объявлено, что их через Миасс отправят в Челябинск. Арестантов, построенных в колонны, в окружении казаков повели на станцию. Тех, кто не мог идти, волочили по земле, привязав к седлам, остальных подгоняли плетками. Арестованных провели 35 километров до законсервированного рудника вблизи от озера Тургояк. В расположенных здесь бараках заключенные провели двое суток, после чего их стали уводить группами к заброшенным шахтам. Казаки подводили арестованных к краю шахты по два-три человека и рубили их саблями, сбрасывая затем тела в рудник. Некоторые обреченные на смерть сами бросались живыми в шахты. После уничтожения всей партии заключенных казаки забросали шахты камнями. Согласно свидетельству сторожа бараков, стоны из шахт были слышны еще несколько дней. После освобождения Карабаша в 1919 г. останки репрессированных были перезахоронены, а позднее на месте их гибели установлен гранитный обелиск.

[12] *Санин А. В.* О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в Гражданскую войну: некоторые размышления // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 224.

[13] *Ратьковский И. С.* Лето–осень 1918: хроника чехословацкого террора // Мир экономики и права. 2013. № 11–12.

[14] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 71.

18 июня 1918 г. чехословацкими войсками совместно с оренбургскими казаками был взят Троицк. В городе, по сообщению «Правды», в первые недели после его захвата было расстреляно 700 человек[15]. Следует отметить, что особенно пострадали от репрессий железнодорожники города. Незадолго до захвата Троицка они пустили пустой паровоз навстречу чехословацкому бронепоезду, в результате чего было много убитых и раненых. Желание отомстить предопределило расстрел 80 железнодорожников[16]. Большие цифры погибших в городе зафиксированы в воспоминаниях С. Моравского. Со ссылкой на данные штабс-капитана Москвичёва он указывал не менее чем на тысячу жертв в Троицке. Данные цифры можно считать близкими к истине. В уже указанном советском издании фигурировала и бóльшая цифра: около 3 тыс. человек[17].

20 июня 1918 г. в станицу Бердскую в Оренбуржье, после боя на р. Сакмаре оставленную красными войсками, вступил казачий карательный отряд. На ночном заседании стариков станицы с представителями отряда был составлен список 36 местных жителей, поддерживавших большевиков. На следующий день была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия, которая в течение одного дня, рассмотрев дела арестованных, приговорила 13 из них к расстрелу.

28 июня 1918 г. частями Чехословацкого корпуса совместно с оренбургскими казаками захвачен Сорочинск. Было арестовано более 20 человек. Затем через несколько дней по приговору полевого суда в штабе карательного отряда в селе Лабазы Новосергиевского района их зверски казнили. Среди прочих казненных были портной Черкасов, первый организатор советов в Сорочинском, члены совета А. и Г. Зверевы, комиссар дружины Ташков, А. Пантеровский, Улеев, Г. Байдин, Горшков, Колесов и др. Каждого из них заставили рыть себе могилу, кололи штыком в спину и рубили шашками[18]. Останки 7 членов Сорочинского волостного совета (в том числе председателя местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ф. Ф. Черкасова и двух красных бойцов: В. Барановского — командира и Улеева — комиссара 213-го Крестьянского полка 24-й Железной дивизии) перезахоронили в ноябре 1918 г. в городе Сорочинске. В селе Пьяновке (12 верст от Сорочинского) карательный отряд прапорщика Левина казнил 8 бывших красногвардейцев, затоптав их лошадьми в яме и зарыв полуживыми в землю[19]. В селе Исаево-Дедово было расстреляно 18 активных советских работников.

---

[15] Правда. 1918. 27 сентября.

[16] *Голубых М.* Уральские партизаны. Поход партизан Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1924. С. 15–16.

[17] Там же. С. 17.

[18] *Троцкий В.* Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2: 1918. С. 129; *Попов П. Г.* Они не покорились // Поезд смерти. Куйбышев, 1966. С. 8.

[19] *Троцкий В.* Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2: 1918. С. 129; *Попов П. Г.* Они не покорились // Поезд смерти. Куйбышев, 1966. С. 8.

3 июля 1918 г. в Оренбург вошли войска оренбургского казачества. Город был объявлен на военном положении. 4 июля приказом № 2 временно занимающего должность войскового атамана К. Л. Каргина и уполномоченного Комуча по Оренбургской губернии П. В. Богдановича в городе была введена смертная казнь за нападение на членов войска и других должностных лиц и за сопротивление им, умышленные убийства, грабежи, поджоги, разбои, участие в «шайке, именующей себя большевиками», укрывательство комиссаров, красноармейцев, красногвардейцев, возбуждение вражды между классами, призывы к стачке, за святотатство без различия вероисповедания, хранение огнестрельного и холодного оружия без разрешения[20]. Заняв Оренбург летом 1918 г., оренбургские казаки арестовали коммунистов и красногвардейцев, не успевших уйти из города с частями Красной Армии. 3 июля в Бердах была расстреляна большая группа коммунистов и сочувствующих советской власти.

Спустя неделю, 11 июля, на Оренбург атаманом А. И. Дутовым была наложена контрибуция в 200 тыс. рублей[21]. Через месяц приказ Каргина расширил приказ № 2 приказом № 21 (от 4 августа) за подписью войскового атамана А. И. Дутова. В новом приказе говорилось, что в дополнение к приказу № 2 к смертной казни и лишению всего имущества приговариваются за бунт и подстрекательство к нему, а равно за всякое сопротивление власти, за истребление складов, за приведение в негодность средств телеграфной и телефонной связи, за участие в скоплении народа, противодействие вооруженной силе, за уклонение от воинской службы или временное уклонение от нее[22]. Согласно следующему приказу атамана А. И. Дутова, за № 22, расстреливались на месте преступления все мешочники с последующим докладом о таких случаях атаману. Следует отметить, что впоследствии приказы № 2 и № 21 в середине августа 1918 г. (после почти полуторамесячного выполнения) будут отменены Комучем. Однако это было сделано задним числом и за период действия приказов их жертвами стали десятки, а скорее даже сотни людей.

Количество расстрелянных атаманом Дутовым и его подчиненными в Оренбурге в этот и последующие месяцы после занятия города до сих пор является предметом дискуссий. Связано это с тем, что полной судебной документации за весь семимесячный период пребывания в городе дутовской администрации не сохранилось. Особенно важные месяцы после занятия города (июль–август) и последние месяцы пребывания в ней отсутствуют. Известно только, что сам Дутов отмечал, что в июле 1918 г. он только за отказ выступить против большевиков расстрелял 200 казаков и за неисполнение приказа — еще одного офицера. Позднее по поводу этого случая атаман Дутов заявлял в интервью омской

[20] *Чирухин Н. А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 162; Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919: Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 149–150.

[21] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 78.

[22] Гражданская война в Оренбуржье. С. 153–154.

газете: «Мне дорога́ Россия, и патриоты, какой бы партии они ни принадлежали, меня поймут, равно как и я их. Но должен сказать прямо: я сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время, как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не остановлюсь и пред расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие. Недавно по моему приказу было расстреляно двести наших казаков за отказ выступить активно против большевиков. Расстрелял я и одного из своих офицеров за неисполнение приказа. Это очень тяжело, но в создавшихся условиях неизбежно»[23].

При этом очевидно, что уровень репрессий против неказачьего населения Оренбурга и окрестностей во время действия вышеуказанных приказов и самосудных расправ в момент установления режима априори должен был быть большим.

Перенос расстрельной практики «первых дней» на всё дутовское правление, безусловно, неправомерно. Однако и обратные попытки переноса практики репрессий наиболее стабильного периода на весь период правления Дутова представляются исторически маловероятными. Подобный подход, к сожалению, характеризует фундаментальную во многих других отношениях монографию А. В. Ганина. Согласно выявленной им в архивах сохранившейся статистики деятельности военно-полевого суда при штабе Оренбургского казачьего войска в период с сентября по 12 декабря 1918 г. при рассмотрении 202 дел (по ним проходило 306 человек) к смертной казни было приговорено 116 человек[24]. Приведенные цифры, с точки зрения А. В. Ганина, с учетом, что «вряд ли в те месяцы, за которые статистика отсутствует, количество смертных приговоров было существенно бóльшим», позволяют ему говорить об отсутствии массового террора в городе. Также эти цифры, по мнению Ганина, опровергают заявление оренбургского исследователя Л. И. Футорянского о расстреле каждого сотого жителя (при населении города примерно в 155 тыс. человек)[25].

Между тем данные Ганина, на наш взгляд, неправомерно распространяют уровень выявленных им осенних репрессий на лето 1918 г. и зиму 1918/1919 г., т. е. на месяцы утверждения дутовского режима и на время последних недель его пребывания на оренбургской земле. На наш взгляд, вся практика белых репрессий в период Гражданской войны неизменно показывает больший уровень репрессий именно в подобные периоды, причем кратный. Также Ганин не учитывает погибших в оренбургской тюрьме в результате пыток, побоев, болезней и т. д., которые в статистику военно-полевого штаба не вошли. Так, согласно

[23] Там же. С. 196.

[24] Там же. С. 370.

[25] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 366; *Футорянский А. И.* Белый и Красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 120.

данным советского издания, «только в Оренбургской тюрьме в августе 1918 г. томилось свыше 6 тыс. коммунистов и беспартийных, из которых 500 человек было замучено при допросах. В Челябинске дутовцы расстреляли, увезли в тюрьмы Сибири 9 тыс. человек»[26]. Даже учитывая возможную «политизацию цифр» в сторону увеличения белых репрессий советскими историками, все-таки следует признать их неединичный характер. Кроме того, при определении уровня репрессий следует учитывать имеющиеся указания об иных местах заключения, помимо оренбургской тюрьмы[27]. Можно также указать на имевшиеся случаи расстрелов при сопровождении арестованных лиц. Отметим, что у самого исследователя такие случаи зафиксированы.

Помимо указанных моментов, если даже учесть общую практику смертных приговоров, выявленную Ганиным (116 расстрелов на 306 человек: т. е. около 38 % смертных приговоров), то при общем числе арестованных в городе в несколько тысяч человек показатели жертв в Оренбурге будут явно выше[28].

Репрессии имели место в регионе и помимо Оренбурга, касаясь в основном «советского» элемента. 12 июля 1918 г. в окрестностях Орска казачьим разъездом было схвачено и расстреляно 3 человека, в том числе первый председатель Орского городского совета А. З. Яковлев[29]. Упоминается в краеведческих материалах и Преображенская волость, захваченная войсками Дутова. В одноименном центре волости был казнен первый состав ревкома, а красноармеец И. А. Кулаков был сожжен в дёгтекурной яме (позднее это событие было положено в основу картины художника П. К. Севастьянова «На казнь»). 14 июля 1918 г. на рассвете состоялся набег оренбургских казаков на Кувандык. Как писал через два дня в приказе сам атаман Дутов: «Только что вернулся с ночного набега на ст. Кувандык; телеграф и путь на ней разрушены, совет выдан жителями и расстрелян»[30]. В июле 1918 г. белогвардейцами в селе Репьевка схвачен и самосудно казнен С. А. Кичигин, член Оренбургского совета, руководитель созданного вскоре после падения Оренбурга подполья[31]. 4 августа 1918 г., после нескольких дней допросов и пыток белоказаками в селе Хабарное под Новотроицком Оренбургской губернии расстреляна 22-летняя красная разведчица М. П. Корецкая. 11 августа 1918 г. после ожесточенного сражения под Орском отряд красноармейцев попал в плен к оренбургским казакам. Все члены отряда были публично расстреляны или зарублены шашками. 16 августа 1918 г. по дороге из Оренбурга в Актюбинск казаками был схвачен М. Н. Бурзянцев и его беременная жена. Бывший комиссар юстиции Оренбурга был зарублен сразу. Родители подали прошение о помиловании его жены (своей дочери и ее

[26] Разгром дутовщины. 1917–1919. М., 1964. С. 91–92.

[27] *Хадыка П. М.* Записки солдата. Минск, 1971. С. 39–40.

[28] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 370.

[29] За счастье народное. Челябинск. 1969. С. 58.

[30] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 171.

[31] Там же. С. 372.

будущего ребенка), но атаман Дутов распорядился лишь об отсрочке казни до рождения ребенка. После рождения ребенка мать была казнена. Эта трагедия послужила основой известного рассказа писательницы Л. Сейфуллиной «Милость атамана Дутова»[32].

Уточнялись в этот период и юридические аспекты репрессий. Так, 4 августа 1918 г. оренбургский атаман Дутов установил смертную казнь за сопротивление власти и уклонение от воинской службы[33]. Позднее, уже осенью, 26 октября 1918 г. на территории Оренбургского казачьего войска была официально введена практика расстрелов без суда и следствия после доклада обстоятельств дела атаману Дутову[34].

В целом же осень 1918 г. в условиях установившегося «белого» контроля над территориями дает меньшие показатели в первую очередь фронтовых репрессий. Исключение составили события под Орском**.** 25 сентября 1918 г. был выдвинут ультиматум оренбургского атамана А. И. Дутова большевистскому руководству города Орск Оренбургской губернии (второму по величине городу губернии, который уже три месяца оборонялся от казачьих войск): сдаться или город будет полностью уничтожен[35]. Срок действия ультиматума истекал в ночь на 27 сентября. В случае сдачи Дутов обещал всех пленных, включая большевиков, оставить в живых и направить в Тоцкий лагерь, где их судьбу решит центральное правительство. В случае отказа Дутов сообщил, что не сможет гарантировать жизнь ни одному человеку[36]. Через три дня, 28 сентября 1918 г. город Орск взят войсками Дутова. На центральной площади у собора было расстреляно 10 красногвардейцев, которые прикрывали отход частей на Актюбинск и не имели возможности присоединиться к ним. В большинстве это были тяжелораненные бойцы. Многие красногвардейцы были зарублены шашками. Всё это происходило на глазах женщин и детей, насильно согнанных на Соборную площадь. Порубленные тела несколько дней лежали на площади, после чего их погрузили на телеги и вывезли на Белый остров, где закопали. Атаман Дутов, лично руководивший взятием Орска, отправил незамедлительно в Оренбург телеграмму: «Орск взят, на земле оренбургских казаков не осталось ни одного большевика». Позднее, уже в самом Оренбурге, свой отчет перед Войсковым кругом он начал со слов «Орск у ног хозяина». За эту победу атаман А. И. Дутов был произведен Войсковым кругом незамедлительно в генерал-лейтенанты[37].

---

[32] *Сейфуллина Л.* Милость атамана Дутова // Прозрение слепых. Рассказы советских писателей о Гражданской войне. Ростов-на-Дону, 1987. С. 24–27.

[33] *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 175.

[34] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 273.

[35] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 104–105.

[36] Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 468; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 242.

[37] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 241, 244.

Репрессии в массовом порядке вновь фиксируются в кризисный период накануне падения белого Оренбурга. В начале января 1919 г. за отказ служить в белоказачьих войсках в Оренбурге было расстреляно 250 казаков[38]. Скорее всего, имеется в виду январский приказ по армии атамана А. И. Дутова, согласно которому за отказ казаков Пластунского дивизиона из состава I Оренбургского казачьего корпуса идти в бой весь его личный состав был предан военно-полевому суду с требованием расстрелять виновных немедленно[39].

Репрессии в регионе распространялись не только на казаков, но и на остальное местное население. В этот период в Оренбуржье была уничтожена вместе с 65 жителями небольшая деревня Меглиус[40]. В Покровке Романовской волости председателя волисполкома Слоновского и других членов совета облили бензином и сожгли живыми[41]. Всего же в январе 1919 г. оренбургским казаками (без учета расстрелов собственных казаков) только в Уральской области было убито 1050 человек[42].

Опять, как и год назад, пиком зимне-весенних репрессий станет апрель 1919 г. 1 апреля 1919 г. военно-полевой суд при штабе I Оренбургского казачьего корпуса рассмотрел дело о 74 крестьянах, захваченных с оружием в руках при оказании сопротивления правительственным войскам. Из числа задержанных расстреляно было 11 человек. 24 человека получили различные сроки (от 12 до 20 лет) ссылки в каторжные работы. Остальные 39 человек были оправданы[43]. 3 апреля 1919 г. датируется приказ оренбургского атамана Дутова о взятии заложников в неблагонадежных в политическом смысле населенных пунктах. «По всей видимости, перед своим отъездом в Омск атаман закручивал гайки. Предписывалось брать заложников “из кандидатов в будущие комитеты бедноты и [в] комиссары”, в числе от десяти до пятидесяти человек, в зависимости от величины поселка. Заложников этих под конвоем направлять в г. Троицк, в распоряжение начальника штаба Оренбургского военного округа, предупредив население поселка, в которых взяты заложники, что последние немедленно ответят головой в случае малейшего признака неблагонадежности и попыток к беспорядкам в поселках, в которых они взяты»[44].

Характерно, что, издавая этот приказ, А. И. Дутов еще ранее навел порядок в самом Троицке. В письме А. В. Колчаку от 9 марта 1919 г. он вскользь упоми-

[38] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 421; *Бобров В. Д.* Террор и казачество // Революция и террор (материалы «круглого стола»). СПб., 1995. С. 25.

[39] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 232.

[40] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 113; *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье. (1918–1919). Саратов, 1974. С. 288; Коммунар. 1919. 20 февраля.

[41] *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 112.

[42] *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы (1917–1923). М., 1995. С. 134.

[43] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 371.

[44] Цит. по: *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 333.

нал об этом: «Сейчас весь Троицк наводнен агентами большевиков и была даже одна попытка к восстанию, мною в корне и жестоко подавленная»[45]. Позднее, уже в письме тому же адресату от 22 марта, он высказывал сожаление о необходимости расстрела своих же казаков, еще два месяца назад храбро сражавшихся против большевиков[46].

Следует отметить, что генерал А. И. Дутов лично распоряжался о расправе с любыми подозреваемыми в большевизме рабочими. Интересное в этом плане воспоминание оставил французский генерал Морис Жанен (с 24 августа 1918 г. — командующий войсками Антанты в России, а с ноября 1918 г. — начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, главнокомандующий чехословацкими войсками в России) о встрече с Дутовым: «Он рассказывает нам, между прочим, о своих расправах с железнодорожниками, более или менее сочувствующими большевикам. Он не колебался в таких случаях. Когда саботажник-кочегар заморозил паровоз, то он приказал привязать кочегара к паровозу и тот замерз тут же. За подобный же проступок машинист был повешен на трубе паровоза» (запись в дневнике от 10 апреля)[47]. 29 апреля 1919 г. съезд 15 станиц Оренбургского казачьего войска создал свой военно-полевой суд, члены которого в своих решениях должны были «руководствоваться своею совестью» и выносить только два решения: смерть или оправдание. Утверждения приговора иными органами власти или лицами съездом не предусматривалось[48].

Продолжались репрессии и в дальнейшем, порой принимая самые чудовищные формы. В один из воскресных дней в первой половине мая 1919 г. в плен к белым под Оренбургом попал повар 218-го полка 49-й Оренбургской дивизии, рабочий местного кожевенного завода Корень. Ночью в походной кухне он вез ужин на передовую и заблудился. «Белые схватили его. Вылив пищу, они разрубили Кореня на куски, сложили в котел, залили водой, подожгли топку и лошадь направили к нашей передовой. Это дикое зверство возбудило в нас еще большую ненависть к белым. Мы упорнее стали защищать Оренбург»[49]. Известен еще ряд примеров ожесточения в период военного кризиса и отступления казачьих войск. В июле 1919 г. у села Ташла Оренбуржья произошло ожесточенное сражение. Было много убитых и раненых с обеих сторон. Взятых в плен красноармейцев казаки зарубили шашками недалеко от Ташлы. В общей братской могиле впоследствии было похоронено 75 красноармейцев, в том числе 12 захваченных в плен красноармейцев из 25-й Чапаевской дивизии. 12 августа 1919 г., согласно сообщению советских газет, на Оренбургском фронте

[45] *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 332.

[46] Там же. С. 333.

[47] *Жанен, ген.* Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. Новосибирск. 127. № 4. С. 143.

[48] *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 109.

[49] *Хадыка П. М.* Записки солдата. Минск, 1971. С. 48.

на Узянском заводе белоказаками было вырезано 30 стариков. Резня сопровождалась изнасилованием женщин и грабежом. Награбленное добро было вывезено на 200 подводах, также было угнано 1500 голов рогатого скота[50].

Данные репрессии уже являлись самосудными проявлениями белого террора. Ухудшившаяся военная обстановка, отчаяние от осознания близкого поражения, отсутствие контроля со стороны начальства — всё это способствовало последним всплескам «белого» насилия. При этом поиски виновных велись не только среди неказачьего элемента, но и среди своих. Все сомневающиеся становились жертвой поиска врагов. Итогом этих процессов стали кровавые мартовские расправы 1920 г. атамана Анненкова над остатками войск оренбуржцев, жертвой которых стали несколько тысяч человек[51].

References

Bobrov V.D. Terror i kazachestvo // Revoljucija i terror (materialy «kruglogo stola»). SPb., 1995.

Chiruhin N.A. Dutovshhina. Antibol'shevistskoe dvizhenie na Urale. 1917–1918 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 1992.

Futorjanskij A.I. Belyj i Krasnyj terror v period Oktjabrja i Grazhdanskoj vojny na Juzhnom Urale // Ivan Ivanovich Nepljuev i Juzhno-Ural'skij kraj: Materialy nauchnoj konferencii. Cheljabinsk, 1993.

Ganin A.V. Ataman A.I. Dutov. M., 2006.

Gimpel'son E.G. Formirovanie sovetskoj politicheskoj sistemy (1917–1923). M., 1995.

Golinkov D.L. Tajnye operacii VChK. M., 2008.

Golubyh M. Ural'skie partizany. Pohod partizan Bljuhera-Kashirina v 1918 godu. Ekaterinburg, 1924.

Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: Jenciklopedija. M., 1987.

Grazhdanskaja vojna v Orenburgskom krae. Chkalov, 1939.

Grazhdanskaja vojna v Orenburzh'e (1917–1919). Dokumenty i materialy. Orenburg, 1958.

Grebjonkin I.N. Razlozhenie rossijskoj armii v 1917 g.: faktory i aktory processa // Novejshaja istorija Rossii. 2014. № 3. P. 149–159.

Hadyka P.M. Zapiski soldata. Minsk, 1971.

Litvin A.L. Krasnyj i belyj terror v Rossii. 1918–1922 gg. M., 2004.

Medvedev E.I. Grazhdanskaja vojna v Srednem Povolzh'e (1918–1919). Saratov, 1974.

Nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Bashkortostana (1917–1925 gg.): Dokumenty i materialy: V 4 t. Ufa, 2002. T. 2. Ch. 1.

Nesterovich-Berg M.A. V bor'be s bol'shevikami. Vospominanija. Parizh, 1931.

Popov F. Dutovshhina. Kujbyshev, 1937.

Popov P.G. Oni ne pokorilis' // Poezd smerti. Kujbyshev, 1966.

Puchenkov A.S. Antibolshevistskoe dvizhenie na Kubani v nachale Grazhdanskoy voyny (noyabr 1917 g. — mart 1918 g.): k istorii otryada V.L. Pokrovskogo // Noveyshaya istoriya Rossii. 2013. № 3. P. 98–11.

Rat'kovskij I.S. Leto–osen' 1918: hronika chehoslovackogo terrora // Mir jekonomiki i prava. 2013. № 11–12. P. 102–107.

Razgrom dutovshhiny. 1917–1919. M., 1964.

Sanin A.V. O predposylkah i osobennostjah krasnogo terrora na Urale v Grazhdanskuju vojnu: nekotorye razmyshlenija // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4. P. 221–224.

Sejfullina L. Milost' atamana Dutova // Prozrenie slepyh.Rasskazy sovetskih pisatelej o Grazhdanskoj vojne. Rostov-na-Donu, 1987.

Sivkov S.V. Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time. 2013. Vol. 10. N 1. P. 15–23.

Spirin L.M. Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii. M., 1968.

[50] Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 14 августа.

[51] Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 76–77; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 447; *Голинков Д.Л.* Тайные операции ВЧК. М., 2008. С. 217.

Trockij V. Revoljucija 1917–1918 g. v Samarskoj gubernii. Hronika sobytij. Samara, 1929. T. 2: 1918.
Za schast'e narodnoe. Cheljabinsk, 1969.
Zhanen, gen. Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika // Sibirskie ogni. Novosibirsk. 127. № 4. P. 133–161.
Zvjagin S.P. Pravoohranitel'naja politika A.V. Kolchaka. Kemerovo, 2001. S. 109.

Список литературы

Sivkov S.V. Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time. 2013. Vol. 10. N 1. P. 15–23.
Бобров В.Д. Террор и казачество // Революция и террор (материалы «круглого стола»). СПб., 1995. Р. 25–28.
Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006.
Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы (1917–1923). М., 1995.
Голинков Д.Л. Тайные операции ВЧК. М., 2008.
Голубых М. Уральские партизаны. Поход партизан Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1924.
Гребёнкин И.Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. Р. 145–158.
Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001.
Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919). Саратов, 1974.
Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1.
Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931.
Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев, 1937.
Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.): к истории отряда В.Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3. Р. 98–111.
Разгром дутовщины. 1917–1919. М., 1964.
Ратьковский И.С. Лето–осень 1918: хроника чехословацкого террора // Мир экономики и права. 2013. № 11–12. Р. 102–107.
Санин А.В. О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в Гражданскую войну: некоторые размышления // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 224.
Сейфуллина Л. Милость атамана Дутова // Прозрение слепых. Рассказы советских писателей о Гражданской войне. Ростов-на-Дону, 1987.
Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968.
Троцкий В. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2: 1918.
Попов П.Г. Они не покорились // Поезд смерти. Куйбышев, 1966.
Футорянский А.И. Белый и Красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. *Хадыка П.М.* Записки солдата. Минск, 1971.
Чирухин Н.А. Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.